

Галия Ибрагимова: Власти Узбекистана не захотят ограничивать себя узами интеграции с какой-то одной организацией

«Сейчас, когда в Узбекистане повеяло политической и экономической оттепелью, власти не захотят ограничивать себя узами интеграции с какой-то одной организацией. Вообще, отношение Ташкента к любой интеграции останется настороженным», — эксперт Галия Ибрагимова, консультант ПИР-Центра политических исследований (Россия, Москва), дает оценку последних внешнеполитических встреч Президента Узбекистана, специально для CABAR.asia.

CABAR.asia: в чем Вы видите объективные причины того, что Узбекистан не входит в интеграционные проекты?

Галия Ибрагимова: Смотря что понимать под «интеграционными проектами». Само понятие «интеграция» подразумевает сближение и объединение неупорядоченных и разнородных элементов. Если вести речь о межгосударственной интеграции, то этими разнородными элементами будут военные, политические, экономические системы различных государств, которые в зависимости от целей интеграционного проекта, начнут сближаться, и в результате регулироваться надгосударственными институтами. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – одна из немногих организаций на постсоветском пространстве, где государства-члены ставят перед собой задачу интегрировать экономики друг друга.

Что касается неучастия Узбекистана в ЕАЭС – единственном интеграционном проекте на постсоветском пространстве в полном смысле этого понятия, то с одной стороны, внутри самого союза все еще не завершено упорядочивание механизмов и устранения барьеров на пути к созданию единого рынка товаров, услуг, рабочей силы и капиталов. С другой стороны, узбекской экономике предстоит провести ряд внутренних реформ, прежде чем страна сможет объективно оценивать преимущества или риски участия в интеграционных экономических проектах. Последовавшие после транзита власти в республике заявления нового руководства Узбекистана о том, что в стране необходимо провести валютную реформу, улучшить инвестиционный климат, переориентировать экономику на инновационное развитие, показывают, что власти нацелились сделать

узбекскую экономику более открытой для мира. Однако даже если после заявлений властей последуют конкретные действия, то и в среднесрочной перспективе говорить об участии Ташкента в интеграционных союзах преждевременно.

СABAR.asia: с чем связана подобная активизация внешней политики Узбекистана во всех направлениях?

Галия Ибрагимова: Пока рано оценивать, насколько внешняя политика Ташкента при новом руководстве стала более активной, чем при Исламе Каримове. За пять месяцев президентства Шавкат Мирзиев был сосредоточен больше на внутренней повестке. Несмотря на убедительную победу на президентских выборах в декабре 2016 года, которые легитимизировали Мирзиева в статусе президента Узбекистана, не вся узбекская элита приняла его в качестве единственного центра силы в стране. Это подтверждают публикации в СМИ об усиливающемся конфликте интересов между избранным президентом и главой узбекской Службы национальной безопасности Рустамом Иноятовым, который считался вторым после Каримова влиятельным лицом в республике. Силовая “верхушка” и значительная часть политической и бизнес элиты страны ориентировались на Иноятова, связывая с ним надежды после смерти Каримова. Однако начатый Мирзиевым в стране курс реформ, укрепил его позиции, как единого центра принятия решений. Иноятову и его приближенным, видимо, не очень понравилось утрата своего влияния на ситуацию в стране, что усилило внутриэлитное противостояние. Однако Мирзиев смог тоже сформировать свою неориентированную на силовиков команду, приведя во власть своих людей.

Поддержка населения, свои люди в правительстве, но последним пунктом, который окончательно сделал Мирзиева единственным центром узбекской властной вертикали – стало признание его основными внешними партнерами – Казахстаном и Россией. Совершенные в Астану и Москву первые зарубежные визиты Мирзиеева стали своего рода смотринами его Нурсултаном Назарбаевым и Владимиром Путиным. Учитывая, что к этим странам отношение населения Узбекистана наиболее благосклонно, это еще больше повысило популярность Мирзиеева внутри страны. То есть первые значимые шаги нового узбекского лидера во внешней политике несли в себе и внутривластный подтекст.

Что касается стремления узбекского президента сделать основным приоритетом внешней политики Ташкента регион Центральной Азии, то и в этом вопросе он озвучил мысли, которые давно витали среди чиновников и экспертов, а главное населения Узбекистана. Сложные отношения с Таджикистаном и Киргизией, в которых помимо объективных водно-энергетических и приграничных проблем, было много

Галия Ибрагимова: Власти Узбекистана не захотят ограничивать себя узами интеграции с какой-то одной организацией

субъективного – личное неприятие Ислама Каримова таджикского и киргизского президентов – мешали политическому и экономическому сотрудничеству стран, а главное стали препятствием для общения граждан этих стран. Отношения Узбекистана с Туркменией и Казахстаном хоть и были более или менее стабильными, однако и в них оставалось много недосказанного. С туркменской стороны так и не был до конца решен вопрос о статусе проживавших в республике узбекских граждан, с казахстанской – неясным оставались многие вопросы экономического сотрудничества в связи с участием Астаны в ЕАЭС. Более того, обеспечение национальной безопасности – форпоста внутренней и внешней политики Ташкента за годы каримовского правления, в свете новой активизации исламистского подполья в регионе и попыток афганских радикалов, именующих себя то талибами, то боевиками «Исламского государства» проникнуть в регион, было бы невозможно без укрепления сотрудничества стран региона. Все эти причины объясняют решение новых узбекских властей сделать центральноазиатский регион главным внешнеполитическим приоритетом.

В то же время надо понимать, что Мирзиев в силу того, что недолго управляет страной, еще не обладает авторитетом, какой был у Каримова. Но по мере того, как Узбекистан и мировое сообщество свыкнется с новым лидером, свойственный Ташкенту особый взгляд на региональные и международные события снова проявится. Школа Ислама Каримова, уверена, в этом плане не прошла даром для узбекской элиты.

В отношениях с Россией, Китаем, США и ЕС узбекские власти продолжают многовекторный курс сотрудничества. Однако в отличие от Казахстана, который также выстраивает свой внешнеполитический курс на принципах многовекторного партнерства с зарубежными странами, узбекская многовекторность означает равноудаленность от всех наиболее значимых центров силы в регионе. Состоявшийся в апреле официальный визит Мирзиеева в Москву и продемонстрированное на нем радушие сторон сложно объективно оценивать до тех пор, пока не состоятся встречи нового узбекского президента с лидерами западных стран и Китая. Тем не менее можно предположить, что они будут не менее дружелюбными и многообещающими.

СABAR.asia: как можно охарактеризовать сотрудничество между РФ и Узбекистаном, особенно в свете приостановления членства Ташкента в ОДКБ?

Галия Ибрагимова: Узбекистан приостановил в 2012 году участие в ОДКБ в связи с тем, что провозгласил неприсоединение к военно-политическим блокам приоритетом своей внешней политики. Другой причиной отказа от сотрудничества с ОДКБ стало нежелание Ташкента вмешиваться во внутренние дела государств пусть даже в рамках

Галия Ибрагимова: Власти Узбекистана не захотят ограничивать себя узами интеграции с какой-то одной организацией

коллективной защиты. Все вопросы безопасности узбекская сторона предпочла решать с партнерами на двусторонней основе. Кроме того, вопросы безопасности на многосторонней основе традиционно обсуждаются на саммитах ШОС и СНГ и Узбекистан, как член этих организаций, наравне со всеми решает наиболее острые проблемы.

При этом неверно полагать, что отказ от участия в этом военно-политическом блоке как-то повлиял на узбекско-российские отношения. Спустя некоторое время после этого решения Владимир Путин встретился с Исламом Каримов, чтобы обсудить дальнейший формат взаимодействия с Ташкентом в военной сфере. Стороны договорились, что в основе такого сотрудничества останутся двусторонние договоренности, по которым Узбекистан сможет рассчитывать на поддержку России в случае угроз безопасности. Впрочем, Узбекистан участвовал в ОДКБ, в основном рассчитывая в основном на военную помощь Москвы в случае угроз безопасности, поэтому выход из организации ничего не поменял для республики. Для России, как главного куратора ОДКБ, выход Узбекистана имел имиджевые издержки, но не столь существенные, так как российско-узбекские военные связи остались довольно прочными. Более того, с 2004 года страны остаются стратегическими партнерами.

Учитывая, что президент Мирзиев заявил, что Ташкент продолжит курс на неприсоединение к военным блокам, не следует ожидать третьего возвращения республики в лоно ОДКБ. Вместе с тем примечательно, что после недавнего решения Мирзиева создать узбекский военно-промышленный комплекс последовало подписание соглашений между Ташкентом и Москвой об углублении военно-технического сотрудничества. Это подтверждает, что узбекские власти и в этом вопросе будут полагаться на российскую помощь. Однако опять же – не будут отвергать предложения о сотрудничестве с другими странами в этой сфере.

САВАР.asia: можно ли назвать результаты визита Шавката Мирзиева в Москву прорывными? Либо они носят формально-декларативный характер?

Галия Ибрагимова: Официальный визит Мирзиева в статусе президента в российскую столицу следует расценивать прежде всего как настройку диалога лидеров двух стран. Между Путиным и Каримовым, независимо от того, в каком положении были двусторонние отношения в руководимых ими странах, существовала личная химия, которая помогала разрешать многие противоречия. Однако Каримов был в большой политике даже дольше Путина, что обуславливало его авторитет в глазах российского президента. Мирзиеву сложнее, так как он только осваивается в политике в роли главы государства. Овладеть харизмой Каримова сразу не получится.

Галия Ибрагимова: Власти Узбекистана не захотят ограничивать себя узами интеграции с какой-то одной организацией

Поэтому на первой встрече с Путиным новый узбекский лидер пытался скорее понравиться Москве, чем занять какую-то особую позицию по какой-либо проблеме. Многие эксперты обратили внимание на то, что Мирзиев согласился с тем, что ШОС могла бы стать хорошей площадкой для обсуждения вопросов афганского урегулирования, в то время как Каримов в апреле 2016 года в Москве заявлял об обратном. Опять же не следует расценивать буквально некоторые заявления Мирзиева. Вполне возможно, что по мере укрепления позиций второго узбекского президента на мировой арене, тональность его выступлений станет схожей с каримовской.

Учитывая то, что в ходе первой официальной встречи Мирзиев и Путин подписали около 40 соглашений о сотрудничестве в разных областях, которые представители сторон готовили с сентября прошлого года, говорить о формально-декларативном характере общения двух президентов сложно. В то же время оценивать итоги встречи как прорывные я бы тоже не стала. Ко всему последние двенадцать лет сотрудничество Ташкента и Москвы в военно-политической, экономической, социальной областях было относительно стабильным и поступательным. Поэтому ожидать прорывов там, где стороны в основном все устраивает, было сложно. Проблемы трудовой миграции, которые узбекские власти, наконец, начали открыто обсуждать с российскими властями, подписанные узбекско-российские соглашения по этой проблеме можно было назвать прорывными. Но апрельский теракт в метро в Санкт-Петербурге и последовавшие заявления силовых структур России ужесточить контроль над трудовыми мигрантами из стран Центральной Азии могут привести к тому, что как раз эти соглашения и станут формально-декларативными.

САВАР.asia: на фоне многомиллиардных подписанных контрактов между лидерами двух стран, можно ли утверждать, что Москва пытается потеснить роль Китая в Узбекистане?

Галия Ибрагимова: Мирзиев еще в должности врио президента Узбекистана заявил, что Китай останется в числе основных партнеров республики. При этом еще при Каримове Ташкент стремился к тому, чтобы китайские инвестиции в экономику страны не привели к высокой зависимости от Пекина. Опасения по поводу чрезмерного усиления Китая в Центральной Азии сохраняются и у новых узбекских властей, однако экономическая ситуация в стране диктует свои условия, и узбекско-китайские связи скорее всего будут наращиваться.

Россия давно приняла реальность, в которой главным экономическим партнером центральноазиатских стран стал Китай. Антизападные санкции, падение курса рубля

Галия Ибрагимова: Власти Узбекистана не захотят ограничивать себя узами интеграции с какой-то одной организацией

привели к спаду российской экономики, поэтому попытки экономическими средствами потеснить Пекин из региона Москва не предпринимала. Сегодня экономика России находится в лучшем состоянии, чем два года назад, но говорить о том, что российские инвестиции способны потеснить китайские – пока рано. К тому же многие китайские инвестиционные проекты в регионе, например, в транспортно-логистической сфере, вовлекают и Россию, что выгодно Кремлю.

Что касается многомиллиардных контрактов, подписанных Мирзиевым и Путиным в ходе последней встречи, то вряд ли они способны потеснить из республики Китай. Во-первых, миллиардные контракты России не означают, что деньги быстро поступят в экономику Узбекистана, особенно учитывая, что страна не планирует вступать в ЕАЭС. Во-вторых, сложно назвать, что Китай для опасливого Узбекистана был и остается более значимым партнером, чем Россия. Скорее партнерские отношения с Москвой и Пекином останутся равноценными для Ташкента, хотя связи с российской стороной будут даже несколько перевешивать по значимости.

СABAR.asia: каковы перспективы формирования зоны свободной торговли (ЗСТ) Узбекистана в рамках Евразийского экономического союза?

Галия Ибрагимова: Даже если предположить, что узбекские и российские власти захотят создать такую зону свободной торговли, Ташкенту придется прежде провести ряд реформ по либерализации рынка, о которых я говорила выше. Создавать ЗСТ при наличии в стране черного рынка и сохраняющихся сложностей для бизнеса при конвертации валюты невозможно. Кроме того, Узбекистану придется отказаться от протекционизма, при помощи которого власти пытаются защитить отечественных производителей от импорта продукции. Настрой новый властей начать реформы по либерализации рынка пока остается на уровне деклараций. Кабинет министров Узбекистана еще в конце октября 2016 года обсудил разработанный Центробанком [проект](#) валютной реформы, однако пока документ не подписан президентом и в стране продолжает процветать черный рынок по обналичиванию иностранной валюты.

В то же время узбекский бизнес уже ощутил на себе влияние единых таможенных тарифов ЕАЭС при торговле со странами членами этой организации, например с Казахстаном и Россией, которые всегда были в числе наиболее крупных экономических партнеров Ташкента. Пока возникающие в этой связи сложности власти пытаются решать на двусторонней основе. Так, в числе наиболее значимых документов, подписанных Мирзиевым и Путиным в апреле в российской столице, стало соглашение между Федеральной таможенной службой России и Государственным таможенным комитетом Узбекистана создать «упрощенный таможенный коридор». Это означает,

Галия Ибрагимова: Власти Узбекистана не захотят ограничивать себя узами интеграции с какой-то одной организацией

что при перемещении товаров и транспортных средств между Россией и Узбекистаном будет действовать упрощенный порядок осуществления таможенных операций.

В среднесрочной перспективе узбекские власти продолжают решать сложности при торговых операциях со странами ЕАЭС на двусторонней основе. При этом в вопросе создания ЗСТ между Узбекистаном и ЕАЭС Ташкент будет апеллировать к тому, что прежде внутри самой ЕАЭС должны быть устранены все противоречия между членами организации, а главное – никакой политики. Получается, что с одной стороны узбекские власти пока сами не готовы к чрезмерной либерализации своего рынка, с другой – внутри ЕАЭС много неурегулированных проблем. Поэтому в ближайшее время ЗСТ между Узбекистаном и ЕАЭС вряд ли будет создана.

САВАР.asia: обречен ли ЕАЭС на безуспешное развитие без включения в него Ташкента?

Галия Ибрагимова: Не думаю, что успех или неуспех ЕАЭС зависит от количества стран, входящих в организацию. Повторю, что даже между нынешним составом участников улажены не все вопросы, связанные с таможенным регулированием и унификацией механизмов создания единого рынка. Более того, нередки ситуации, когда возникающие политические противоречия между странами ЕАЭС тут же отражаются в экономической плоскости. Это настораживает страны, которые рассматриваются в качестве потенциальных участников союза. Узбекистан здесь не исключение. Власти в Ташкенте всегда сторонились или прекращали сотрудничество с организациями, в которых все проблемы получали политический окрас.

При этом сейчас, когда в Узбекистане повеяло политической и экономической оттепелью, власти не захотят ограничивать себя узами интеграции с какой-то одной организацией. Вообще, отношение Ташкента к любой интеграции останется настороженным. Скорее, страна начнет расширять экономические и торговые связи с различными странами, привлекать в страну зарубежные инвестиции и будет избегать всего, что может бросить тень на нейтральную позицию страны. Например, недавно республика проявила инициативу возобновить сотрудничество с Европейским банком реконструкции и развития. Исходя из всего этого, не стоит ожидать скорого вступления республики в ЕАЭС.

Интервью подготовила редактор САВАР.asia Наргиза Мураталиева